

# Fashion story ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Русский  
телеграф  
-1998. - 27 февр. - с. 9

1 марта в Эрмитаже в Петербурге открывается выставка «Ирвинг Пен. Путь фотографа». На ней представлено более ста работ мастера. В дальнейшем она отправится в Гамбург, Мюнхен, Барселону, Хьюстон, Сан-Франциско, Токио и Париж. Петербург станет началом кругосветного путешествия этого знаменитого фотографа

Эрмитаж, будучи вторым по величине музеем мира, тем не менее до сих пор сохранил приятную невинность. В нем можно еще многое сделать, что будет носить подзаголовок: «Впервые в Эрмитаже». Так, выставка американского фотографа Ирвинга Пена будет первой выставкой фотоискусства в этом музее.

Неизвестно, то ли ученый совет Эрмитажа решил, что если уж музеем и терять невинность, то лучше всего это делать с Пенем, или просто так удачно получилось, что Художественному институту в Чикаго захотелось начать прокатывать свою выставку именно с этого музея, но выбор персонажа для представления нового вида искусства в императорском музее очень точен. Дело даже не в широчайшей известности Ирвинга Пена, а в том, что его деятельность счастливо объединяет искусство и коммерцию — настолько счастливо, что иногда даже становится непонятно, где первое, а где второе.

Если вы спросите музейных искусствоведов, кто такой Ирвинг Пен, то лишь немногие смогут ответить. Зато все дизайнеры, модельеры и модели, если уж кого-нибудь и знают, так это Ирвинг Пена. Его мировая слава началась в журнале Vogue, с которым он был связан с середины 40-х годов, и благодаря публикациям именно в этом журнале он превратился в фигуру почти мифологическую. Быть снятым Пенем — это значит войти в круг небожителей.

Vogue конца 40-х — начала 50-х был совсем не тем Vogue,

что мы видим сегодня. Теперь это разросшееся жирное издание с бесконечными спецификациями: французский, английский, итальянский, мужской, женский и т.д.; говорят, что скоро появится русский, пока еще совмещенный. Его страницы заполнены тряпками для жирных, сомнительными интерьерами, красотой лица и тела, облегченными текстами для заполнения страниц: очень полезный и внушительный журнал.

В конце 40-х нью-йоркская редакция Vogue была центром международной элиты, и направление журнала соотносилось не столько с тряпочками, сколько со стилем жизни. Одна из самых знаменитых портретных серий Пена, сделанная для Vogue, включала в себя такие имена, как: Леонард Берстайн, Кристиан Диор, Георг Гросс, Трумэн Капоте, Рене Клер, Игорь Стравинский, Дюк Эллингтон, Альфред Хичкок, Грэм Грин, Эльза Скьяпарелли, Джорджия О'Киф, Т.С. Элиот, Ивлин Во, Марсель Дюшан, Макс Эрнст, Марта Грэм и дальние по списку. Объединенная общим декораторским приемом — Пен загонял знаменитостей в тесный угол, составленный из театральных панелей, — она напоминает по своей стилистике серии знаменитых мужей и жен, распространенные в Средние века и Ренессансе. Эти серии включали в себя Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла Великого, Лукрецию, царицу Савскую, Семирамиду и других исторических личностей, ставших мифом. Если сегодня Vogue будет создавать подобную галерею, то



ЕРОФЕЙ ЕРОПКИН

там главными светилами будут Мадонна и Леонардо Ди Каприо — и то слава богу.

Во время взлета Пена в конце 40-х мода и масс-культура еще не смешались в общую кучу. Элегантность должна была быть элегантной, и Кристиан Диор соотносился с Т.С. Элиотом, а Дюк Эллингтон с Игорем Стравинским. Результатом понимания того, что в самом мимолетном должно быть нечто, что соотносится с вечным, стал стиль — отточенный и безошибочный. Мода осознала как силуэт и линия, и модельеры работали именно над ними, предпочитая черно-белые фотографии и съемки деталей. Пен стал пев-

цом этого периода развития fashion XX века и во многом сам определил его.

Поэтому, когда рядом висят портрет Коlette, интеллектуалки, воспетой Кокто, и фотография платья от Баленсиага, этого теперь забытого публикой портного, в них не чувствуется ни малейшего противоречия. Они из одного мира, и их модность несколько не мешает им быть прекрасными и сейчас. Лиза Фоссангрив-Пен, жена и муза фотографа, бывшая его любимой моделью для модных фотографий в Vogue, так же отличается от Наоми Кембелл, как фарфоровая статуэтка от пластмассовой Барби. Знаменитое

«Платье Арлекино» в исполнении Пена — если и не Энгр, то вполне себе Винтерхальтер.

Стиль Vogue начала 50-х далек и возделен, как нечто безвозвратно утраченное. Это действительно стиль, и благодаря этому отпечатки фотографий Пена, выполненные в трудоемкой и дорогостоящей технике платинотипии, могут вполне безболезненно появиться в соседстве со старой живописью. Мода этого времени уже стала нашим культурным прошлым, но грустить и плакать не надо. Пройдут года, и Наоми Кембелл станет Нефертити.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ